

Трудоизбыточность и эффективность аграрной экономики Дагестана

© 2012 М.В. Сулейманов

Избербашский филиал Дагестанского государственного университета

© 2012 Т.Д. Насруллаева

Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала

E-mail: zeldner@inecon.ru

В статье рассматривается проблема влияния избыточного сельского населения на эффективность сельского хозяйства в Дагестане.

Ключевые слова: региональная экономика, эффективность сельского хозяйства, трудоизбыточность, этническая экономика, население, агроклиматические зоны.

В научной практике уже давно стало традицией ставить известный знак равенства между развитием производительных сил в целом и определенным сочетанием их материально-вещественных и некоторых иных элементов, ведущих к экономии живого труда и открывающих возможности выбора вариантов взаимного замещения друг друга¹. Иначе говоря, принято считать само собой разумеющимся, что первое выражается через второе и поэтому развитие производительных сил как бы приравнивается к техническому прогрессу, причем не ко всякому, а к повышающему производительность рабочей силы. Между тем это, конечно, не так, поскольку движение производительности общественного труда в региональной экономике в самом общем виде определяется взаимодействием нескольких составляющих:

- во-первых, производительной силы природы, выступающей как “естественный базис” производительной силы труда;
- во-вторых, производительности применяемой рабочей силы в смысле развития самого труда, способности работников к полезному труду в соответствии с достигнутым уровнем материальных и социальных производительных сил и с условиями производства;
- в-третьих, производительности применяемого овеществленного труда, который выступает в двух основных функциях: а) средства повышения производительности рабочей силы, т.е. средства экономии живого труда (экономии, понимаемой в данном случае как уменьшение величины субъективного фактора процесса труда по сравнению с его объективными факторами); б) средства повышения производительной силы природы (например, ирригационные сооружения);
- в-четвертых, ограничений в платежеспособном спросе, которые в условиях рынка становятся главным ограничителем роста производ-

ства региональной экономики, в отличие от производительности труда и “узких” звеньев в установленных мощностях.

Как отмечается в исследованиях этноэкономики Дагестана², с 1995 г. значительная (в настоящий период подавляющая) часть сельскохозяйственной продукции производится в так называемом традиционном секторе личных подсобных хозяйств аграрной экономики сельских районов. Для Дагестана с присущим ему аграрным перенаселением принципиальное значение имеет вопрос, существуют ли внутри традиционного сектора объективные предпосылки для развития рыночных отношений – скрытые ресурсы, которые можно использовать как в самом этом секторе, так и за его пределами. Мы полагаем, что именно наличие значительных резервов трудовых ресурсов создает важную предпосылку для включения рабочей силы в мелкое производство народных промыслов, различные виды индивидуального предпринимательства и найма. Но эта своего рода самозанятость может осуществляться только при условии, что будут последовательно находиться новые пути для повышения мобильности трудовых ресурсов традиционного сельскохозяйственного сектора занятости в личных и подсобных крестьянских хозяйствах. Такая постановка вопроса предполагает не противопоставление этого сектора современному, капиталистическому, высокотоварному, а неуклонное расширение их взаимодействия на базе товарных отношений.

Возрастание значения трудовой компоненты в ресурсном потенциале аграрного сектора подтверждают кардинальные изменения в структуре трудового потенциала сельского населения Дагестана, которые не получили адекватного осмысления ни в научных исследованиях, ни в практических разработках.

За 1970–2011 гг. произошло практически утроение доли населения наиболее активного тру-

доспособного возраста (20 - 34 года) в общей численности сельского населения. Если в 1970 г. эта доля составляла 13,5 %, то в 2007 г. она выросла до 35,8 %. Существенно за эти годы выросло и качество трудового потенциала, определяемое ростом уровня образовательной и профессиональной подготовки, что равнозначно умножению физического объема используемых ресурсов. Рост населения сам по себе не равнозначен образованию перенаселения. Тем не менее значительные масштабы демографического взрыва, когда в республике за последние 45 лет произошло удвоение общей численности населения, требуют анализа собственного, относительно самостоятельного воздействия демографического фактора на воспроизводственные процессы в сельской местности.

Депопуляция в сельских районах, отрицательный естественный прирост населения, ухудшение показателей здоровья нации, интенсивно стареющая возрастная структура - таковы демо-

графические показатели, сложившиеся в России еще задолго до трансформации и ею усиленные.

В Дагестане сложилась противоположная российской демографическая ситуация (см. табл. 1). Показатель естественного прироста на 1 тыс. чел. населения (хотя и плавно снижающийся) остается все еще очень высоким в сравнении с другими северокавказскими республиками и областями³: Дагестан - 11,8; Адыгея - -1,2; Кабардино-Балкария - 5,2; Карачаево-Черкессия - 2,9; Северная Осетия - 3,6; Краснодарский край - -1,4; Ставропольский край - -0,5; Ростовская область - -3,8.

Кроме того, с 1991 г. по 2009 г. впервые за последние 50 лет обнаружилась тенденция опережающих темпов прироста сельского населения относительно городского и всего населения региона, что в конечном итоге ухудшало соотношение трудового фактора с другими элементами ресурсного потенциала сельской экономики (см. табл. 2). Резкий рост городского населения в

Таблица 1. Общие коэффициенты естественного движения населения в Дагестане*

Год	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост, убыль(-)	Умершие в возрасте до 1 года
2000	38 229	16 108	22 121	709
2001	38 480	15 293	23 187	683
2002	41 204	15 887	25 317	723
2003	41 490	15 929	25 561	602
2004	41 573	15 724	25 849	668
2005	40 814	15 585	25 229	555
2006	40 646	15 939	24 707	602
2007	45 470	15 357	30 113	658

* За 2000-2002 гг. коэффициенты пересчитаны на численность от итогов ВПН 2002 г. За 2009 г. данные не приводятся, так как нуждаются в корректировке на результаты переписи 2010 г.

Таблица 2. Динамика численности населения Республики Дагестан*

Год	Все население, тыс. чел.	В том числе:		В общей численности населения, %	
		городское	сельское	городское	сельское
1989	1802,2	779,3	1022,9	43,2	56,8
1993	1990,4	863,2	1127,2	43,4	56,6
1996	2218,4	963,1	1255,3	43,4	56,6
2001	2486,0	1054,6	1431,4	42,4	57,6
2002					
На 1 января	2536,1	1081,2	1454,9	42,6	57,4
На 9 октября	2576,5	1102,6	1473,9	42,8	57,2
2003	2581,4	1105,1	1476,3	42,8	57,2
2004	2602,0	1114,0	1488,0	42,8	57,2
2005	2621,8	1120,2	1501,6	42,7	57,3
2006	2641,0	1126,9	1514,1	42,7	57,3
2007	2658,6	1132,5	1526,1	42,6	57,4
2008	2687,8	1142,0	1545,8	42,5	57,5
На 14 октября 2010	2978	1348	1630	45,3	54,7

* Составлена автором по данным статистических ежегодников Роскомстата: Регионы России: социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 54.-68. Данные приведены: за 1989 г. - по переписи на 12 января; оценка на 1 января 1993, 1996, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007 гг. скорректирована с учетом итогов ВПН 2002 г., на 9 октября 2003 г. и на 9 октября 2010 г. - по данным Всероссийской переписи населения.

2009-2010 гг. объясняется значительным вводом в состав городского жилищного фонда новых частных домовладений, построенных в дачных обществах пригородов Махачкалы, Каспийска, Хасавюрта, где проживает в основном приезжее сельское население.

Стремительный рост сельского населения (ежегодный темп прироста составляет 1% и выше), придавая масштабность и темп экономическому развитию в стабильных условиях, в экономически отстающем регионе является дополнительным кризисогенным фактором, так как создает существенные диспропорции в соотношении основных факторов воспроизводства. Мы не разделяем распространенного утверждения, что высокие темпы роста населения - это всегда депрессивный фактор социально-экономического развития. Такой подход в научной литературе обозначен как "демографический алармизм".

Наоборот, в распределительно-рентной экономике России рост населения является источником привлечения в регион дополнительных социальных субвенций, которые через рост платежеспособного спроса и служат стимулятором развития сферы услуг и пригородного сельского хозяйства.

Другая точка зрения основана на том, что "расширенное воспроизводство населения представляет угрозу только тогда, когда оно опережает внутреннюю дифференциацию общества, умножение функций в системе разделения труда, то есть когда растет количество "одинаковых людей". В таком случае наращивание однородной массы не обеспечивается ростом производительности труда, а это действительно чревато перенаселением, миграциями и взрывами. Однако простой закон Мальтуса теряет силу там, где увеличивается количество "разных людей", обеспечено пропорциональное демографическому росту умножение взаимодополнительных услуг, где увеличивающееся число производителей находит место в системе, не наращивая нагрузку на природные ресурсы"⁴.

Трансформация экономики России и регионов на рыночных началах привела к возникновению в Дагестане системного кризиса, в условиях которого перестают действовать прежние механизмы включения экономических ресурсов в общественное производство⁵. Дагестан в 1990-е гг. из самодостаточного превратился в самый дотационный регион России. Массовое недоиспользование рабочей силы в виде полного или сезонного отсутствия работы является одним из очевидных факторов экономической реальности сельских районов региона. Значительную долю этой рабочей силы можно привести в действие

простым увеличением платежеспособного спроса на нее.

В основе аграрного перенаселения в Дагестане лежат два фактора:

- во-первых, новая система потребностей, которая пришла в противоречие с устаревшей системой работ;
- во-вторых, "демографический взрыв", сам по себе вызванный воздействием демографических волн последствий Великой Отечественной войны.

Хотя демографический фактор имеет относительно самостоятельное значение в обострении экономических и социальных проблем в республике, все же рост населения не составлял непосредственной причины возникновения аграрного перенаселения.

Функциональная перенаселенность возникла, как справедливо полагают ряд специалистов, в тех сельских населенных пунктах, где существовали давние очаги земледелия⁶. В Нагорном Дагестане функциональная перенаселенность существовала еще с прошлого века, ибо давно был исчерпан природный фактор в виде расширения использования пригодных для сельскохозяйственного производства земельных участков. Менее всего функциональная перенаселенность была характерна для тех районов, где значительная доля хозяйственной активности населения была связана со скотоводством, а не с земледелием.

В теориях экономического роста в регионах с традиционным аграрным перенаселением существует, на наш взгляд, ошибочное представление об абсолютном характере избытка рабочей силы в аграрном секторе - избытка, подлежащего беспрепятственному изъятию без ущерба для производительности общественного труда в сельском хозяйстве. Даже в рамках чисто экономического анализа человеческий (трудовой ресурс) не может рассматриваться как абстрактный обезличенный экономический ресурс без присущих ему в Дагестане фундаментальных особенностей. Их игнорирование неизбежно укрепляет европоцентристские взгляды на экономические проблемы в Дагестане и на Северном Кавказе.

Исторически сформировавшиеся социальные экономические условия в Дагестане делали объектом максимизации (т.е. объектом развития, наиболее эффективного использования) и живой труд людей, и землю - как ключевые факторы производства и наиболее значимые элементы аграрного ресурсного потенциала.

Мы полагаем, что сочетание живого труда с другими факторами производства, а значит, и социальная организация труда в традиционных

аграрных структурах Дагестана отвечали требованиям хозяйственной рациональности. В этом случае представляется чрезвычайно продуктивным междисциплинарный подход с использованием исторических и этнографических источников. Ретроспективный анализ исторических сведений об обычном хозяйственном праве в общине горного Дагестана указывает на существование жесткой регламентации экономических и социальных отношений. Земля, как наиболее ограниченный ресурс в Дагестане, являлась объектом жесткой правовой регламентации и основой для проведения определенной демографической политики. В Дагестане, как и в некоторых странах Востока, исторически утвердился в качестве определяющего трудоинтенсивный тип аграрной экономики. В сфере трудоинтенсивного хозяйства утвердились различные коллективные формы труда, отразившие не слабость производительных сил (этот ошибочный стереотип довольно распространен), а напротив, высокий уровень адаптации к природно-экологическим условиям и постоянному росту населения. В ходе освоения населением наличных земельных ресурсов и его собственного численного возрастания росли и интенсифицировались трудовые затраты, развивались институты социального контроля над включением трудовых ресурсов в производство, в первую очередь – над доступом к пригодной для обработки земле.

В этнографической литературе описаны “вольные” общества или отдельные джамааты, в юридической практике которых зафиксированы установления, согласно которым нечлен общины по рождению не имел права на недвижимую собственность. “Любая новая семья, если она по бедности родителей не могла получить в собственность недвижимость (дом, пахотную землю), должна была получить землю из общественных фондов земель. Если у джамаатов эти ресурсы были исчерпаны или ограничены, население убывало, искусственно ограничивалась рождаемость, община “закрывалась” для притока населения с правами членства со стороны. Община лишала приданого в виде земли девушку, вышедшую замуж в другое общество”⁷. То есть собственность (в том числе земельная) выступала в качестве средства, инструмента регулирования общиной доступа его членов к условиям производства и через это – как механизм распределения наличных трудовых ресурсов, рабочей силы, рабочего времени.

Иррациональность соотношения сохраняющихся стандартов демографического поведения дагестанцев (на высокую брачность, низкую рождаемость, относительно высокую рождаемость)

и характера современного экономического цикла стала проявляться уже в 1960–1970-е гг. Индустриализация труда, как главное средство повышения его производительности, предопределила разрыв, а затем и его углубление между современным сельскохозяйственным и традиционным производством (представленным массой индивидуальных и нерентабельных хозяйств). Скрытая безработица стала фактором экономической реальности в регионе уже с начала 1970-х гг.

Фактическое исключение горной и высокогорной части из приоритетов экономического и социального развития, гипертрофированная насильственная специализация на цели гидроэнергетики, изъятие из сельскохозяйственного оборота ценнейших земель, фактическое уничтожение горно-долинного садоводства привели к тому, что количественные и качественные характеристики населения пришли в несоответствие с другими экономическими ресурсами. Быстрый рост населения, придавая масштабность и темпы экономическому развитию в целом, постепенно создавал диспропорции в соотношении основных факторов производства. “Демографические инвестиции”⁸ (т.е. инвестиции, обеспечивающие рост национального дохода на уровне темпа прироста населения) постепенно стали ограничителем для производительного накопления, усилив тем самым депрессивность региона.

Так, механизм роста населения, приведенный в действие новыми демографическими процессами и развитием производительных сил (как экзогенный фактор), в ходе развития начал работать как бы вхолостую, поскольку происходил определенный отрыв расширенного воспроизводства населения от его рациональной, экономической основы. Кризисные явления последних лет, обусловленные переходом к инфляционной модели функционирования экономики, усилили эти диспропорции.

Некоторые тенденции в демографических процессах, иррациональные с точки зрения макроэкономических подходов, предстают весьма рациональными на микроуровне (индивида, семьи как социального института). Начавшийся в 2000 г. экономический подъем возродил институциональные основы роста населения, характерные для прежней экономической системы. Демонстративный отказ государства поддерживать прежние стандарты жизни (полная занятость, бесплатное жилье, медицинское обслуживание и другие социальные завоевания) предопределил частичную реанимацию прежних социальных институтов этноэкономики: большой семьи, многочисленного и сильного рода или клана⁹. Эти

во многом архаичные формы социальной структуры частично амортизируют последствия разрушительных реформ 90-х гг. прошлого века, сдерживая люмпенизацию и маргинализацию большей части населения Дагестана. В этой связи иррациональность роста ранних браков и деторождений (в возрасте матери до 20 лет) с макроэкономической точки зрения вполне рациональна с позиции индивида или семьи, стимулируя активизацию экономического поведения мужской половины населения, с одной стороны, а с другой - отодвигая временные рамки поиска работы для женщин на 5-7 лет, когда возможны положительные сдвиги в экономической ситуации. Система социального вспомоществования становится, таким образом, двухуровневой: первый уровень - государственная система пенсий и пособий; второй уровень - семья в широком понимании.

Переориентация республиканской экономики с трудосберегающей и капиталоемкой технологии на использование трудоинтенсивной модели позволит интегрировать в сферу товарных отношений трудовые ресурсы сельских районов. Соответственно можно ожидать усиления воздействия закономерностей воспроизводства рабочей силы в современном секторе хозяйства и на социально-экономические процессы во всех укладах.

Регионы с большой площадью сельскохозяйственных угодий и пашни в расчете на душу населения характеризуются, как правило, значительно более благоприятными, чем малоземельные, природными условиями для ведения сельскохозяйственного производства.

Дагестан относится к регионам с чрезвычайно неблагоприятным соотношением людских и земельных ресурсов, с отчетливо выраженными, специфическими и даже уникальными особенностями:

- естественно-историческая дифференциация землеобеспеченности между агроклиматическими зонами усилена перераспределительным ме-

ханизмом, пришедшим в несоответствие с наличным демографическим потенциалом;

- чрезмерная антропогенная нагрузка и экологические последствия трансгрессии Каспия усиливают темпы выведения ценнейших и дефицитных земель из хозяйственного оборота;

- неравномерное распределение по зонам ценных по качеству земель предопределяет разную конкурентоспособность субъектов хозяйствования;

- отсутствие механизма перераспределения рентного дохода;

- усиление дезинтеграции во взаимодействии различных секторов и укладных форм;

- обострение противоречий между концентрацией прироста населения в одних агроклиматических зонах и накоплением капитала в других.

¹ Функция Кобба - Дугласа // Википедия - свободная энциклопедия.

² См.: Багомедов М.А. Новые тенденции этноэкономического поведения в Республике Дагестан // *Вопр. структуризации экономики*. 2011. □ 3. С. 78-80; Багомедов М.А., Гаджиев А.Г. Типология влияния этноэкономики на демографическое поведение народов Республики Дагестан // *Вопр. структуризации экономики*. 2004. □ 1.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 54-68

⁴ Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 210.

⁵ Багомедов М.А. Методологические подходы к анализу ресурсного потенциала экономики отстающих регионов // *Вопр. структуризации экономики*. 2011. □ 2. С. 12-13.

⁶ См.: Багомедов М.А., Гаджиев А.Г. Указ. соч.; Хайек Ф.А. Указ. соч.; Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане. М., 1988.

⁷ Агларов М.А. Указ. соч. С. 145-148.

⁸ Юзбеков З.К. Интенсификация в трудоизбыточном регионе // *Вопр. экономики*. 1986. □ 3.

⁹ Багомедов М.А. О совершенствовании государственного регулирования социальной сферы регионов // *Региональная экономика: теория и практика*. 2011. Январь (□ 3 (186)). С. 67-70.

Поступила в редакцию 05.03.2012 г.